

УДК 316.75

*Истомин А.Г.,
Лебедев С.И.*

**ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА БЕЛГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Истомин Александр Георгиевич, ведущий документовед
Центра профессиональной карьеры Управления маркетинга образовательных услуг
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия; *E-mail: motzi@rambler.ru*
Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук,
профессор Института управления
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия; *E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Статья содержит краткую характеристику локальной идентичности городского сообщества города Белгорода, полученную в результате качественного этапа социологического исследования (методом фокус-групп). В основу теоретической модели локальной идентичности положены разработки П.Л. Крупкина, осуществлённые в русле традиции Э. Дюркгейма. В качестве основных элементов локальной идентичности рассматриваются: значимые места (включая символический центр); представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной); символические ценности локальной идентичности; мифы самостояния / гордости собой; ритуалы воспроизводства идентичности; пантеон героев – реальных и мифических; представления о структуре сообщества: ядро («элита»), границы, составляющие (страты, сегменты).

Ключевые слова: локальная идентичность; Белгород; городское сообщество; коллективные представления; ритуалы.

*Istomin A.G.,
Lebedev S.D.*

**THE LOCAL IDENTITY OF PEOPLE LIVING
IN THE CITY OF BELGOROD (BASED ON THE
MATERIALS OF A QUALITATIVE RESEARCH)**

Istomin Alexander Georgievich, *Leading Records Manager, Center for Professional Career, Board of Marketing of Educational Services*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: motzi@rambler.ru
Lebedev Sergey Dmitrievich, *PhD in Sociology, Professor of the Institute of Management*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

АБСТРАКТ

The article contains a brief description of the local identity of the urban community of the city of Belgorod, the resulting qualitative stage of sociological research (focus groups). The theoretical model of the development of local identity is based on the works of P.L. Krupkina performed in the tradition of Emile Durkheim. The main elements of local identity considered in the article are: significant places (including the symbolic center); understanding of the local geography (medium- and large-scale); symbolic values of local identity; myths samostoyaniya / pride of themselves; rituals of reproduction of identity; pantheon of heroes – real and mythical; ideas of the structure of the community: the core («elite»), borders, constituents (strata segments).

Keywords: local identity; Belgorod; urban community; collective representations; rituals.

Проблемы, связанные с обширным, многогранным и многоплановым феноменом идентичности в последние годы достаточно активно привлекают к себе внимание исследователей самых разнообразных социокультурных феноменов. Так, в науке рассматриваются различные аспекты профессиональной, социальной, этноязыковой, гендерной, возрастной, пространственно-территориальной и целого ряда других идентичностей. Понятие «идентичность» в настоящее время является одним из самых востребованных современным социально-гуманитарным знанием. Первоначально возникнув в рамках психологии личности, затем оно распространилось на смежные, в т.ч. социологические науки, где стало означать результат идентификации человека с какой-либо социальной группой или общностью.

В контексте социологии проблема идентичности связана, прежде всего, с феноменом и категорией социальной солидарности. Соответственно, идентичность рассматривается как явление прежде всего коллективное. По определению П.Л. Крупкина, коллективная идентичность – «это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самосоотнесение к какой-либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной группы» [7, с. 122]. Мы определяем её как категорию самосознания социального субъекта, выражающую его осознанную принадлежность к некоторому социальному единству (группе, общности, сообществу, социуму). Идентичность выражается в относительно целостном комплексе представлений, оценок и поведенческих императивов, носящем характер частично явного, частично неявного (но подлежащего выявлению социолого-психо-антропологическими методами) социального знания (С.Д. Лебедев).

Механизм коллективных идентичностей (social identity) является одним из механизмов солидаризации индивидов [10]. Согласно классическим теоретическим положениям Э. Дюркгейма, он имеет двоякую природу, сочетая аспект коллективных представлений и аспект ритуальных действий [см.: 6, с. 201-

202]. Соответственно, структура социальной идентичности включает не только когнитивный компонент (процесс и результат самокатегоризации, понимания человеком себя в контексте и терминах соотношения с определенной социальной группой), но и аффективный и поведенческо-регулятивный компоненты – от чувства привязанности и преданности «своим», готовности разделять практики, принятые в сообществе, до обязательств совершать поступки, вытекающие из ценностей и норм, разделяемых данной группой.

Локальную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности. Территориальная идентичность – это переживаемое или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность. Она связана со стереотипными установками восприятия, интерпретации и оценки человеком и группой социальных ситуаций и событий. Территориальная идентичность проявляется и фиксируется на различных уровнях – это и государственная идентичность, республиканская, региональная (провинциальная). Локальная идентичность, в интерпретации авторов, выступает как один из видов территориальной: это идентификация человека (группы) с местным сообществом, традиционно тесно сопряжённая с чувством любви к «малой родине», чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, поселка, села, микро-района). Актуальность её изучения связана с отмечаемым исследователями повышением значимости данного вида идентичности в массовом сознании жителей России в начале XXI столетия. Как констатирует П.М. Козырева, «одним из подтверждений этого является последовательное увеличение долей респондентов, идентифицирующих себя... с жителями своего города, поселка или села (часто – 39,9%; редко – 47,9%)» [4, с. 32]. Указанные различия, по её мнению, объясняются тем, что «в меньших общностях теснее социальное взаимодействие и прочнее связи между индивидами. Такое взаимодействие в большей мере опирается на эмоциональное отношение, тогда как при соотношении

с крупными социальными объектами возрастает роль рационального и рефлексивного отношения» [4, с. 32]. В тоже время, если речь заходит о региональном центре, каким является Белгород, не менее значимой представляется его саморефлексия на социокультурном уровне [3].

Методика проведения исследования¹.

Изучение локальной идентичности жителей города Белгорода было ориентировано на разрешение **проблемы**, интерпретируемой как противоречие между знанием о существовании идентичности белгородцев как социального факта и недостаточным знанием о её содержательных основаниях.

Объект качественного этапа исследования включал две укрупнённые социальные группы:

а) Основная группа – взрослое население (старше 30 лет): гуманитарная интеллигенция – работники культуры, писатели, краеведы, преподаватели гуманитарных дисциплин в вузах, библиотекари; интеллигенция социальной сферы – учителя, врачи; инженерно-техническая интеллигенция – инженерные работники, руководители цехов и подразделений промышленных предприятий; предприниматели – представители малого и среднего бизнеса; публичные лидеры общественного мнения – политики, популярные журналисты;

б) Контрольная группа – студенты высших учебных заведений г. Белгорода социогуманитарных, естественнонаучных и инженерно-технических специальностей и направлений подготовки.

Предметом изучения в рамках качественного этапа исследования являются основные компоненты локальных коллективных идентичностей жителей города. Методом сбора эмпирической информации было выбрано групповое фокусированное интервью.

¹ Методика исследования разработана и апробирована С.Д. Лебедевым, И.В. Задориным, П.Л. Крупкиным и Р.В. Евстифеевым в рамках проекта «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля», 2014-2015 (проект осуществлен на средства государственной поддержки, полученные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основе конкурса, проведенного ИСЭПИ).

Метод фокус-групп относится к «качественным» методам сбора информации. Применение данного метода предполагает тематически фокусированную групповую дискуссию под руководством модератора. Фокус-групповое исследование было применено нами на первом этапе реализации исследовательской программы как оперативный и высокоэффективный метод сбора социологической информации, позволяющий получить широкий спектр мнений и оценок, характеризующий реальное самосознание современного белгородца в плане его локальной идентичности.

В апреле 2015 г. в городе Белгороде были проведены 2 дискуссионные фокус-группы (ДФГ), по одной для каждой из двух указанных категорий социально активного населения. Предполагалось, что групповое фокусированное интервью позволит получить базовый набор высказываний и оценок (ценностных суждений, идеологием, мифологием, символами), которые с большой вероятностью составляют смысловое содержание коллективной идентичности горожан. Соответственно, основной **целью** проведения дискуссионных фокус-групп была вербализация потенциальных оснований локальной идентичности белгородцев, предполагающая последующую проверку их реальной распространенности среди населения в ходе количественного исследования.

В рамках **гипотезы исследования** мы предположили возможность достаточно полного описания психосоциального комплекса локальной городской идентичности через следующие базовые структурные элементы:

Значимые места (включая символический центр);

Представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной);

Символические ценности локальной идентичности;

Мифы самостояния / гордости собой;

Ритуалы воспроизводства идентичности;

Пантеон героев – реальных и мифических;

Представления о структуре сообщества: ядро («элита»), границы, составляющие (страты, сегменты) [8, с. 37].

Итоговый конструкт в целом системно изоморфен идеальному типу, описанному в

классической работе Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» под названием «тотемическая триба» (totemic band) [9].

Белгородская локальная идентичность: предварительная картина.

На основе данных, полученных в ходе фокусированного группового интервью, можно зафиксировать следующий предварительный абрис белгородской локальной идентичности.

Символический центр и другие значимые места. Основными «центральными местами» Белгорода и окрестностей для горожан являются: городские парки, Диорама «Прохоровское поле», Соборная площадь (бывш. Площадь Революции – центральная площадь города). В свою очередь, студенты отдали большее предпочтение площади напротив НИУ «БелГУ» (новая площадка). Не раз упоминались в обеих группах: смотровая площадка у памятника князю Владимиру, дуб в поселке Дубовое (по преданию, посаженный Б. Хмельницким, но связанный молвой и с именами посещавших город российских императоров Петра I и Екатерины II); различные торгово-развлекательные центры («Гринн», «Рио», «Сити Молл»), появившиеся в последнее десятилетие и завоевавшие себе большую популярность среди всех поколений белгородцев. Характерно, что можно считать отчасти подтвердившейся (на студенческой ДФГ) высказанную ранее гипотезу о «двоецентрии» Белгорода: его вторым, «домашним» полюсом выступает Харьковская гора – с 1970-х гг. территория наиболее интенсивного гражданского строительства (спальные районы) и благоустройства [8, с. 38]. «Для меня центр – это князь Владимир и проход к Технологу». «Центральная площадь и еще, наверное, для меня это район кинотеатра Русич, «Линия», ну тот район Королева – Ватутина. – Почему? – Ну, на мой взгляд, это два таких района, наверное, самых посещаемых районов города».

Локальная география. На вопрос о субъективной макрогеографии Белгорода – об отношении положения города к «мировым и страновым центрам» – самыми популярными ответами участников фокус-групп стали: «Белгород находится на границе с

Украиной» и «рядом Харьков». Это вполне соответствует предварительной гипотезе, основанной на известном «общем мнении» о тесной связи Белгорода с Харьковом, имеющем прочную историческую и географическую объективную основу. «Ну, для иностранцев самый понятный ответ, может, будет не сама граница Украины, российско-украинской – это город Харьков. Потому что Харьков, он более знаменит и известен, Белгород – он как-то, я скажу так, он стал известен где-то лет 15 только назад как стал очень известный, до этого что есть город Белгород даже никто и не знал. Я всю Россию и Германию прошел, проехал, но никто о нем не знал. Поэтому лучший вариант – 80 километров от Харькова на восток. По трассе Москва – Симферополь. Которую строили военнопленные». Так же респонденты неоднократно говорили, что Белгород находится «в Центральном Черноземном районе»; упоминался соседний Курск (при этом характерно, что в старшей группе, в отличие от студентов, совершенно не упоминался официальный центр российского Черноземья Воронеж, также находящийся по соседству). Окрестности Белгорода (субъективную мезогеографию) респонденты описывали так: «Вокруг города – деревеньки, река Северский Донец, меловые горы и КМА-руда». Неоднократно в качестве символически важных «привязок» отмечались Прохоровское поле, а также «множество коттеджей» вокруг города; упоминалась как отличительная черта поселковая агломерация (Северный, Дубовое, Разумное).

Символические ценности местного сообщества. Здесь можно наблюдать переплетение исторических и современных мемов массового сознания, традиционно связанных с позитивной самопрезентацией областного центра и региона в целом. При этом исторические смыслообразы несколько преобладают, а современные связаны в основном с материальным производством: «Ну что, во-первых, южный рубеж был, это форпост, казаки были, это уже ихние заслуги, ихнее мужество и прочее, то есть какую-то они дали историю, знания, значения. Дальше это Курская магнитная аномалия, у нас одна руда в общем-то вторая, по-мо-

ему, в мире. Их два месторождения в мире: одно у нас, а другое, по-моему, в Бразилии. Ну и Стойленский ГОК, та же сталь. А до этого 43-й год, знаменитое Прохоровское поле, танковый перелом войны, в общем-то танковой битвы». Большую значимость как для молодых, так и для старших респондентов имеет Великая Отечественная война и её герои: «Ну я опять-таки говорю, что это город воинской славы, что много героев ВОВ белгородцев сражались, ну и все». Вообще значение Прохоровского поля особо подчёркивалось участниками обеих ДФГ: «мне кажется вот нужно приучать, да и в принципе это в учебниках в истории есть – это не сам Белгород, а Прохоровка и Прохоровское сражение, я думаю, можно привести, географические местоположения близко, поэтому люди должны знать, что Третье ратное поле России находится в Белгородской области». Упоминались также современные торговые марки (майонез «Слобода», конфеты «Славянка», молочная продукция).

Отдельно имеет смысл упомянуть в данном контексте историческую фигуру Крестителя Руси князя Киевского Владимира «Красно Солнышко». Его историческая связь с Белгородом не подтверждается документами и основана главным образом на тождестве топонимов Белгорода на Донце и Белгорода под Киевом [2]. Однако легенда об основании Владимиром Святославичем Белгорода, «раскрученная» в первой половине 1990-х гг. энтузиастами-краеведами и принятая местными властями, закрепилась в массовом сознании, став особенно популярной среди молодёжи. Эта легенда некритически воспроизводилась в студенческой ДФГ и критически – в старшей: «Я думаю, что сам князь Владимир, его роль в истории города в обывательском сознании была сильно претерпела серьезные изменения. В общем-то сегодня уже многие говорят, что князь Владимир – это основатель города запятая первый князь города запятая и так далее. Даже такие вещи существуют в массовом сознании. Да».

Мифы самостояния. «Чистый город» – самый популярный ответ респондентов на вопрос о том, как они могут описать Белгород. Отвечающие неоднократно

подчёркивали, что люди в Белгороде гордятся чистотой своего города: «...ну, наверное, среди других городов выделяется чистотой очень Белгород, и все белгородцы этим гордятся, мне кажется так». «Ну первым таким которым наиболее ярким – это уровень загрязненности. То есть я думаю, что неспроста, допустим, занимаем лидирующие позиции в плане экологии. У нас чистый город. Ну я думаю, что это отличает». В целом о городе респонденты в обеих фокус-группах высказывались положительно: «красивый», «социально-благоприятный», «тихий». Отмечались косвенно заслуги в этом руководства региона и города: «вот в Белгороде очень много направлено на сохранение экологии, на социальное развитие, на экономическое очень развитие по сравнению с многими другими регионами страны».

Студенты особо отмечали, что в Белгороде очень много кофеен, кальянных и пиццерий; один из респондентов даже назвал город Белгород – «Пицгород».

«Белгород в общем то – это такое что-то очень спокойное, тихое, благополучная гавань на фоне более беспокойных регионов, а мне нравится одно словосочетание: «Белоруссия в миниатюре»... я слышал такое выражение, меня оно зацепило от мурманчан».

В целом респонденты отмечали как яркую черту Белгорода: «город маленький», и в этой связи респонденты старшей ДФГ упомянули популярную среди белгородцев поговорку «Белгород – это большая деревня» («большая деревня» – так как «здесь все друг друга знают»).

В то же время это обстоятельство воспринимается горожанами скорее в позитивном плане: «...живу всю жизнь в этом городе и поэтому ну очень много знакомых, если вот поговорить с кем-то, обязательно найдутся в каком-то, ну все равно найдутся какие-то общие знакомые. Здесь все родное. Все своё».

Что касается ответов относительно антропологических характеристик самих жителей города, то респонденты фиксировали, прежде всего, социально-культурные особенности белгородцев: «манеры, культура пове-

дения совершенно разные; вот допустим белгородцы – жители центральной России, а так же и Сибири и Урала, просто объездил всю Россию, есть с чем сравнить. Люди разные совершенно»; «Люди здесь другие». Чаще всего участниками фокус-групп упоминался характерный акцент произношения белгородцев (фрикативное «ГЭ» и «ШО»). «Ну я продолжу мысль, в качестве шуточной – нешуточной, но все-таки отличает белгородца это наше знаменитое «ХГЭ»: «я БелХГОродец», и это прослеживается как раз, это связано с тем, что многие коренные белгородцы – выходцы из сельской местности, потому что город неоднократно до нуля рушился и заново восстанавливался, это в первую очередь».

Наследие сельского уклада жизни и крестьянской психологии у белгородцев проявляется в их массовой любви к земле, к сельскому хозяйству (что отмечалось почти исключительно участниками старшей возрастнойДФГ). «Ну, я бы отметила черту земледельца: у нас земледельцы, землепашцы очень многие белгородцы. Страдают и дачными угодьями, поселениями, поэтому эта черта, и картошка – у нас у всех картошка».

Также у жителей Белгорода в их массе респонденты отмечали и отрицательные стороны. Как утверждали участники фокус-групп, «Люди здесь злые» и эгоистичные: «...самое частое прилагательное, которое я слышу – это слово ЗЛЫЕ. Говорят, что уровень агрессии выше, чем вот, в межличностном общении, по мнению многих людей, выше, чем среднее по стране, говорят: «А у вас в Белгороде люди злее, чем у меня в Москве». – Как же в Москве, Москва большой гигантский город? – говорит, нет, у нас другое, у нас равнодушные, у вас прибегут и помогут, если кто-то в лужу упадет, но вот при этом злые, понимаете, вот как бы это очень сложно...»; «Я говорю: в чем проявляется то, что они другие? – Они уважают себя в первую очередь, и неуважение к ближнему, так скажем». На наш взгляд, к историко-генетическому объяснению причин таких особенностей социальной психологии белгородцев близок краевед и блоггер М. Койнов: «Первое столетие территория

современной Белгородчины была скорее военным образованием, нежели какой-то исторически сложившейся общностью людей. Из истории мы помним – Дикое поле с его дорогами, по которым крымско-нагайские конницы вторгались на территорию Российского царства с единственной целью – грабежа и захвата пленных. И в города Белгородской засечной черты отправлялись люди, которые ежедневно подвергали свою жизнь риску. Отсюда берет свои истоки воинственность населения, недоверие к чужакам, четко отлаженная схема распознавания людей по принципу «свой-чужой». Здесь же можно увидеть принцип, по которому «мой дом – моя крепость», чем выше забор вокруг жилища – тем безопаснее. Каждый, кто отправлялся жить в эти края, строил свой собственный, «лучший» мир, каждую минуту окруженный внешними врагами» [5].

Ритуалы воспроизводства локальной идентичности. Самыми важными праздниками города респонденты считают День Победы (9 мая) и День освобождения города от немецко-фашистских захватчиков (День города – 5 августа). Нередко упоминались также Новый год и Масленица. Следует отметить, что это «стандартный» набор общегородских праздников для российских городов, среди которых Белгород в данном плане не выглядит исключением. В целом же ритуалы воспроизводства общегородской локальной идентичности Белгорода почти не выходят за рамки этих праздников, хотя участникамиДФГ, особенно молодежной, упоминались и другие массовые празднества: Масленица, День Знаний 1 сентября возле НИУ «БелГУ», семейный конкурс «Родительский рекорд», популярный в городе в последние несколько лет Фестиваль воздушных шаров и некоторые другие.

«Пантеон героев» Белгорода. Здесь доминируют политики и спортсмены. Во главе списка здравствующих символически значимых для горожан лиц в обеихДФГ предсказуемо оказался губернатор области Е.С. Савченко. Сразу за ним следуют известные спортсмены – С. Хоркина, Ф. Емельяненко и Волейбольный клуб «Белогорье», баскетболист Алексей Швед; фонд «Поколение» и А. Скоц (обе группы), мэр города в

1990-е гг. Г.Г. Голиков (старшая группа). «Да, ну я Евгения Степановича Савченко, у меня сразу подразумевается наш губернатор, так же волейбольная команда и ее игроки бессменные Сергей Тетюхин Тарас Хтей, Дмитрий Мусерский, Дмитрий Ильиных». Среди исторических героев города в обеих ДФГ особо подчёркивалось значение обобщённой группы «солдаты Великой Отечественной войны», из которой выделяется первый освободитель города танкист А.И. Попов. Также участники обеих фокус-групп выделили уроженца области полководца Великой Отечественной войны генерала Н.Ф. Ватутина, известного руководителя сельского хозяйства В.Я. Горина, знаменитого инженера В.Г. Шухова, знаменитого актёра М.С. Щепкина; в старшей группе отмечали также руководителей области в советское время М.П. Трунова и А.Ф. Пономарёва. Из числа имён знаменитых исторических личностей в данной связи упоминались также: Екатерина II, Богдан Хмельницкий, епископ Иоасаф (Горленко). Примечательно, что в числе «культурных героев» местного сообщества практически не были названы деятели культуры: художники, писатели, артисты, музыканты, просветители – хотя как среди исторических, так и среди современных белгородцев есть вполне известные и заслуженные представители этих профессий (среди наиболее известных в XX-XXI вв. – художник С.С. Косенков, писатели Ф.И. Наседкин, О.Е. Кириллов, философ Ю.Ю. Вейнгольд). К огромному сожалению, не были упомянуты и белгородские краеведы – в том числе знаменитый в городе и за его пределами, почётный гражданин Белгорода Александр Николаевич Крупенков (1951-2013), сделавший исключительно много для сохранения исторических памятников города и воспитания культурного самосознания белгородцев [1].

Представления о структуре сообщества. Что касается структуры и границ локального сообщества города Белгорода, то в данной связи респонденты выделяли:

– из числа «своих»: студенческие отряды; волонтеров (их подчёркивали главным образом студенты); «культурное ядро» (работников музеев, галерей и т.д.), спортсменов и «хипстеров по-белгородски». К последним

относятся молодые представители современных «креативных» профессий, ставшие заметными на фоне общегородского сообщества в последние несколько лет. «Я бы сказал, что есть некая часть молодежи, которая является сплочённой, но я бы сказал так, что они далеко не вся, есть некая сплочённая среда, я бы их назвал, в кавычках, конечно, «хипстерами по-белгородски», то есть лишенными вот этой вот столичной пригласительности, но все таки, не в хорошем, не в плохом смысле, но вот действительно в некотором смысле вот таких своеобразных тоже тусовщиков, которые интересуются, там, урбанистикой, являются сейчас представителями творческих, околотворческих профессий: журналисты, архитекторы, юристы существуют и так далее. В общем-то ходят с ноутбуками, пасутся в кофейнях, а не в пивных, условно говоря, и так далее». Характерно при этом, что и в старшей ДФГ почти, а в молодёжной ДФГ совсем не упоминались работники довольно многочисленных промышленных предприятий города, однако в старшей фокус-группе упоминались обычные, «безымянные» труженики Белгорода: «помимо фамилий, я бы назвал просто обычных труженников, тех, кто строит, кто убирает, кто облагораживает, делает порядки, просто обычных людей».

– из числа «чужих»: обобщённую категорию «приезжие люди»; «северяне»; «носители исламской культуры»; «цыгане»; в студенческой ДФГ отмечали отдельно студентов – китайцев, африканцев и иранцев: «но я не расист конечно, но мне не нравятся иранцы – они ничего плохого не делают, у них просто цвет кожи, как-то неприятно»; «И. сказал про иранцев, а вообще про студентов-иностранцев, как китайцы, африканцы – они как бы живут в Белгороде с нами, но в тоже время живут в своем маленьком мирке отдельном». Следует отметить, что заметная в местном сообществе категория «северяне» – приезжие жители заполярных регионов страны, выработавшие «северный» трудовой стаж и «осевшие» в понравившемся им городе, как правило, воспринимается респондентами благожелательно, в отличие от остальных катего-

рий «пришельцев»: *«Ну опять-таки часто слышу: понаехали тут северяне мажоры, хотя люди не задумываются о том, что реально лет десять-пятнадцать назад город был деревней, потом приехали северяне, и начал как-то жизнь. Вот куда-то сходить теперь есть».*

Таким образом, обобщая самохарактеристики локальной идентичности Белгорода, полученные в результате качественного этапа социологического исследования методом фокус-групп, мы имеем основания для следующих предварительных выводов. Город в сознании его жителей символически традиционно «центрируется» вокруг площадей (во главе с центральной городской площадью) и парков; немногочисленных культурно-исторических достопримечательностей (Диорама «Прохоровское поле», исторический дуб в пригороде Белгорода пос. Дубовое); в последние годы этот список активно дополнили новые торгово-развлекательные центры (моллы). Символические ценности белгородцев связаны, главным образом, с ключевыми для города моментами истории, в основном военной (центр южного рубежа обороны в конце XVI-XVIII вв.; Прохоровское танковое сражение в Великую Отечественную войну – июль 1943 г.), и отчасти с производственными успехами тяжёлой (горнодобывающей) промышленности времён СССР и пищевой промышленности последних лет; значима в этом контексте также современная квазиисторическая легенда об основании города князем Владимиром Крестителем. Локальная макрогеография города субъективно привязана, в основном, к соседней Украине «в лице» г. Харькова, Курску и Москве; микрогеография описывается через пейзаж меловых гор, реки Северский Донец, «деревенек», коттеджей и знаковых в мировом масштабе локусов Прохоровского поля и КМА-руды. К мифам самостояния белгородского сообщества относятся: чистота, красота города, его благополучие, а также сохраняющиеся в массе и имеющие большое социальное значение неформальные

связи между горожанами. Последнее связано с тем объективным обстоятельством, что Белгород – сравнительно молодой город, можно сказать, что его в значительной мере «наполняют» приезжие люди; в городе, по мнению участников фокус-групп, до сих пор сложно найти местных жителей в третьем поколении, так как Белгород был почти полностью разрушен во время Великой Отечественной войны – в основном в нём проживают выходцы из деревень, их дети и внуки (респонденты старшего поколения делали акцент на том, что «в белгородцах наблюдаются черты сельских жителей»). При этом белгородцам не чужда и довольно острая самокритичность («злость», эгоизм). В качестве основных ритуалов воспроизводства локальной идентичности выступают общезначимые праздники (главным образом, День города и День Победы, а также Новый Год); эта сфера городской жизни требует значительного развития. В плане «пантеона героев» городского сообщества из исторических личностей фигурируют сравнительно немногочисленные известные в стране и мире земляки (Н.Ф. Ватутин, В.Г. Шухов, М.С. Щепкин), солдаты Великой Отечественной войны; из современных – в основном политики и спортсмены, практически не представлены деятели культуры. В отношении субъективных оценок структуры и границ городского сообщества участниками ДФГ в нём выделялись в основном спортсмены и работники культурной сферы, а также инновационные молодёжные течения последних лет – студотряды, волонтёры, молодой креативный класс; сюда же включаются «натурализовавшиеся» в Белгороде в последние 20 лет «северяне»; за пределами же сообщества, при в целом толерантном к ним отношении, фиксировались группы «приезжих», в частности, студенты-иностранцы из стран Азии и Африки, носители исламской культуры и цыгане. Данные выводы составят основу гипотез следующего этапа исследовательского проекта – количественного выборочного опроса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров А. По старому Белгороду с Крупенковым. URL: <http://www.literabel.ru/kultifebel/800-in-old-belgorod-.html> (дата обращения: 16.06.2015)
2. Битюгин К.Е. «Тысячелетие Белгорода»: сколько же можно?! URL: <http://bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm> (дата обращения: 16.06.2015)
3. Даргын-оол Ч.К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 40-43.
4. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в её формировании // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 29-39.
5. Койнов М. Белгородский менталитет // Гражданская журналистика. URL: <http://mkoinov.livejournal.com/93667.html> (дата обращения: 16.06.2015)
6. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
7. Крупкин П.Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010.
8. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа. // Социологический журнал. 2013. №4. С. 35-48.
9. Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York: The Free Press, 1995.
10. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.

REFERENCES:

1. Aleksandrov A. A Tour of the old Belgorod with Krupenkov. URL: <http://www.literabel.ru/kultifebel/800-in-old-belgorod-.html> (date of access: June 16, 2015).
2. Bityugin K.E. «The Millennium of Belgorod»: Give it a rest! URL: <http://bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm> (date of access: June 16, 2015).
3. Dargyn-ool Ch.K. Culture as the Basis of Social Development of Regions of Russia (on the example of Tuva) // Humanities in Siberia. 2003. № 3. Pp. 40-43.
4. Kozyreva P.M. The Modern Configuration of Identification and the role of Trust in its Formation // Sociological researches. 2008. № 5. Pp. 29-39.
5. Koinov M. Belgorod Mentality // Citizen journalism. URL: <http://mkoinov.livejournal.com/93667.html> (date of access: June 16, 2015).
6. Collins R. Four Sociological Traditions. M.: Publishing House «Territory of the Future», 2009.
7. Krupkin P.L. Russia and Modernity: Problems of Compatibility: Essay of Rationalization. M.: Flinta, 2010.
8. Krupkin P.L., Lebedev S.D. By the Sacred Grounds of Local Identities in Today's Russia: the Experience of Structural Analysis. // Journal of Sociology. 2013. №4. Pp. 35-48.
9. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York: The Free Press, 1995.
10. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. Pp. 7-24.